

АНДРИЯН КОЛОТУШКИН

ПЕРЕИЗБРАННОЕ

Андрян Колотушкин

Переизбранное (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43706981

Переизбранное: СУПЕР Издательство; М.; 2019

ISBN 978-5-9965-0366-7

Аннотация

Дорогой Читатель! Ещё по первой публикации (Андре Коло, “Переизбранное», издательство «Права человека» 1999 г.) ты, несомненно, оценил посмертный талант Андрияна. И вот на теперь тебе не только переработанные известные, но и неизвестные доселе его произведения, относящиеся к последнему и не совсем последнему периодам его творчества! Они существенно расширят твои представления об Андрияне – прозаике и драматурге, а где-то и демиурге. Теперь о критиках. Критики бывают разные. Раз Ленин тоже критиковал Толстого и говорит: какая, говорит, это глыбища, можно сказать валун, какой матёрый, говорит, человечеще! Ну и что, думаете Толстой был этим счастлив? Потому-то Колотушкин, пища свою литературу, вдруг понял: эту его литературу сразу так не доверишь абы какому критику! Абы какой критик напишет неизвестно что, а потом будет мучиться всю жизнь. Вот и позаботился Колотушкин сам о критике себя, чтобы они не мучились. Зато, не мучась, смогут они пороть потом и отсебятину, да поезд ушёл! Читай себе, Читатель,

критику Колотушкина, но не обольщайся: всё это написал либо он сам, либо его друзья.

Содержание

Предупреждение	6
Вниманию читателя	7
Предисловия	10
От редакции. Беспристрастно о Колонтушкине	10
Колотушкин как мутант русской культуры на смене вех и поколений	12
Новые факты биографии	20
Литература беспредела	24
Космизм Андрияна Колотушкина	25
В пылу борьбы	27
Из ненаписанного (огрызки)	29
Стихи	32
Первая тетрадь	32
В поэтах	32
Я время пою	33
Забавы древних	34
Песнь травы	35
Не повезло	36
Нострадамус	36
На страже Родины	37
Торжество мудрости	37
Тимирязев и грибы	39

Баллада о Николке и Миколке	40
Дон Кихот	42
Испытание	43
Песнь о богатыре Семёне Будённовиче	44
Рыбья справедливость	46
Дева	47
Классовый конфликт	47
Тоска	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрян Колотушкин

Переизбранное

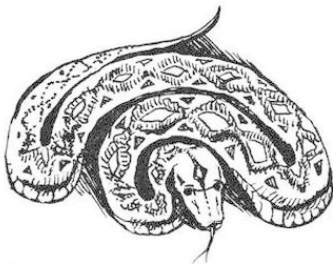
Предупреждение

Все встречающиеся в любых произведениях Андрияна Колотушкина имена и фамилии (включая псевдоним автора), названия национальностей, стран и местностей, растений, птиц и животных, существительные, прилагательные, глаголы и иные части речи являются абсолютно вымышленными. Колотушкин ответственности не несёт. Любые совпадения случайны. Все, кто посмеют обвинить Колотушкина в оскорблении чести и достоинства, в русофобии, антисемитизме, противотатарстве, контруйгурничестве, коммунизме или антикоммунизме, могут поцеловать Чингачгука в пробой. P.S. Имя «Чингачгук» здесь не имеет отношения к Чингачгуку.

Вниманию читателя

В части книги имя автора даётся как Андриян Колотушкин, в части как Андрон Картошкин, в части как Аполлон, в части как Антон, в части просто как Андре Коло или АК46. Готовясь к поэтическому бессмертию, Андриян ежеутренне пил с издателем скипидар. В результате утеряны бесценные произведения искусства: картина «Андриян жжёт рукопись второго тома «Мёртвых душ» (работа неизвестного художника школы Маковского) и непристойная персидская миниатюра «Андрон покоряет Джомолунгму», а также иллюстрация к Шиллеру «Вильгельм Телль попадает в глазное яблоко».

Старшему КАА

Счастливой охоты, Каа!

Предисловия

От редакции. Беспристрастно о Колонтушкине

Дорогой Читатель! Ещё по первой публикации (Андре Коло, “Переизбранное», издательство «Права человека» 1999 г.) ты, несомненно, оценил посмертный талант Андрияна. И вот на теперь тебе не только переработанные известные, но и неизвестные доселе его произведения, относящиеся к последнему и не совсем последнему периодам его творчества! Они существенно расширят твои представления об Андрияне – прозаике и драматурге, а где-то и демиурге. Теперь о критиках.

Критики бывают разные. Раз Ленин тоже критиковал Толстого и говорит: какая, говорит, это глыбища, можно сказать валун, какой матёрый, говорит, человечие! Ну и что, думаете Толстой был этим счастлив? Потому-то Колонтушкин, пища свою литературу, вдруг понял: эту его литературу сразу так не доверишь абы какому критику! Абы какой критик напишет неизвестно что, а потом будет мучиться всю жизнь. Вот и позаботился Колонтушкин сам о критике себя, чтобы они не мучились. Зато, не мучась, смогут они пороть потом

и отсебятину, да поезд ушёл! Читай себе, Читатель, критику Колотушкина, но не обольщайся: всё это написал либо он сам, либо его друзья.

Колотушкин как мутант русской культуры на смене веж и поколений

У нас в Испании Колотушкина знает каждый почтальон.

Хуан Почтальон и Зараза, республиканский испанец

Андрон Колошкин (Андрян Евтихиевич Колотушкин-Ушкуйник (что за Ушкуйник? Далее в тексте не встречается – прим. ред.) родился в 1896 году в селе Нижний Погост Пензенской губернии. Ещё в раннем детстве он отличался от своих сверстников, которые только и знали, что топтать озимые и разорять птичьи гнёзда. Молодой Колотушкин обладал необыкновенной фантазией: подойдёт, бывало, к оврагу и стоит там, пока мамка не позовёт, а то поймает птичку, лапки ей оторвёт, а в клюв вставит сигаретку.

Десяти лет от роду потерял он ногу, купаясь в барском пруду. Но болезнь не сломила маленького Андрияна: на костылях проходил он десятки километров, наблюдая жизнь.

Шестнадцатилетним отроком он поступает в университет и кончает его с отличием от других. Его первая работа «Некоторые проблемы взаимоотношений дендрофилов с различными породами хвойных деревьев» снискала ему Большую деревянную медаль Британского Королевского научного общества. Андрян Колотушкин поведал нам также

о птице Кох, сидящей на пористом камне и творящей суд правый и неправый, и о прочих несообразностях Природы, допущенных ею в момент увлечения актом Творения. Но постепенно его академические интересы всё ближе поворачиваются к реальной жизни. Он пишет большую работу о пастбищном скотоложестве среди уйгуров.

В марте 1912 года Андриян становится видным востоковедом. Вот часть текста, переведённого им с древнесанскритского:

Помер наш Будда, не оставил ничего,
Помер наш Будда, не оставил ничего,
А Кришна хохотала, когда она узнала, что
Помер наш Будда, не оставил ничего.

Поступив в 1914 году незауряд-прапорщиком на корвет «Легавый», Андриян открыл душу новым свежим впечатлениям. Его товарищи, трёх пядей во лбу, отличавшиеся, быть может, только длиной своего кишечника, боготворили Колотушкина, в фигуре которого было немало необычайного. Так, сторонний наблюдатель отмечал, что его веки не закрывали во сне белков глаз. Уши свои он приклеивал к затылочным долям хлебным мякишем. Неистовый Колотушкин любил много и страстно, женщины же его, напротив, сторонились. Ломая себе от волнения палец за пальцем, Картошкин писал.

Он сразу выделился из серой массы литературных подён-

щиков. Его произведения представляют собой непревзойдённые образцы гибкости языка и сердечной прозы. К этому времени относится и его знакомство с литературными кругами. Именно тогда он встретился с Бабелем, с которым подрался на одесском Привозе. Что же касается Куприна, тот об Андрияне и знать не знал, и слыхом не слыхивал, в этом сказывается историческая ограниченность незаурядного в остальном писателя.

Чрезвычайный интерес представляет для нас ранняя драматургия Колотушкина, не дошедшая до нашего времени даже в огрызках. Вот рецензия на его пьесу «Двуликий Юнис», опубликованная в подпольном журнале тамбовских гимназистов: «Ткачи, лесбиянки, разносчики газет создают тот здоровый народный фон, на котором развёртывается действие. Носитель передовой идеологии сборщик податей Петров музыкой выражает свою мечту о будущем. Его мечта светла, и наложник императора Юнис, сознавая свою ненужность, страдает. Этот типичный представитель буржуазной интеллигенции находится на распутье, в его речи, в которой мы встречаем немало народных оборотов, сквозит жажда новых ценностей. Но всё же он предпочитает, подобно страусу, спрятать голову под крыло. И тогда Петров рвёт струны арфы. Это грозное предупреждение, и далёкий шум водопада, как бы символизирующий грядущие перемены, подтверждает его слова. И пусть дрожат Юнисы: они исчезнут с лица Земли, оставив после себя лишь кошмарные гекатом-

бы, а Петров, играя свой победный марш на на фаллопиевых трубах, пойдёт навстречу светлому будущему».

Царское правительство бросило талантливого литератора в тюрьму, где он некоторое время томился. Когда он вышел, то настолько исхудал, что даже в солнечные дни не отбрасывал тени.

Поражение Революции 1905 года вызвало в творчестве Колотушкина упаднические настроения, свойственные ему, впрочем, в той же мере и до того. Его пьесы этого и прочих периодов носят определённую печать декаданса. К этой поре относится и его увлечение литературной критикой, в непечатной форме. Колотушкин принадлежал к лапидарной критической школе В.Володина, известного своей устной рецензией на роман «Моби Дик»: «Там один кит мужику ногу отъел, а потом тот восемьсот страниц за ним гоняется».

Личность Андрияна Колотушкина, этого блестящего мастера затейливой прозы, не всегда бывает сразу понятна читателю. Иные упрекают его в натурализме, прочие также упрекают его в натурализме. Тем более ценным является для нас живое свидетельство современников, донесших до нас задорное биение его обильного сердца. Вот отрывок из воспоминаний о нём Ф.Э.Дзержинского, найденный в одном из досье на Лубянке. Он относится к периоду, когда Колотушкин эмигрировал в стерлинговую зону и создавал там реалистическую повесть «Необыкновенные приключения на постоянном дворе «Харч и Петух», ныне безвозмездно потеря-

ную. «Андрян в номере гостиницы «Сен-Симоз и Серёжа Верстакъ». Окно покрыто дыханием зимней стужи. На столе банка камбалы в томатном соусе и чашка шампанского. Колотушкин пишет. Волосы падают с его головы прямо на ковёр. За окном снег, вокруг свечи бесшумно вьются два ручных снетка».

Здесь Колотушкин предстаёт перед нами как лишенец, поправший правду собственной жизни ради идеи.

* * *

Только Великая Октябрьская социалистическая революция позволила ему развернуть всю бездну своего могучего дара в романе «Шестивесельный ял». Во весь неправдоподобный рост встаёт над обломками старого и чахлыми ростками нового мира фигура наркома Пастухера. О глубоком следе, оставленном этим образом в истории советской литературы, говорит хотя бы тот факт, что и поныне юные следопыты по всей стране ищут следы легендарного наркома. Так, в 1984 году пионеры дружины школы № 917 им. Пастухера (гор. Пастухерск) совершили поход по пастухеровским местам. В селе Дохлые Зайчики Тульской области юные хулиганы обнаружили дом-музей наркома, расположенный в усадьбе, где мальчик провёл свои детские годы. Отец его, урождённый фон Риттерштрассе, помещик-самодур, увлекался передовыми идеями и познакомил маленького Ваню с

произведениями Бакунина и Плеханова. Пионеры с интересом осмотрели кресло, в котором нарком работал, кресло, в котором он родился и вырос, кресло, в котором он женился.

В городе Курганинске Краснодарского края старый большевик В.Н.Филатов рассказал, как Н.Г.Пастухер метким выстрелом из трёхлинейки сбил германский цеппелин. В 1919 году Е.Ф.Пастухер переночевал у вдовы Фишер в селе Татарка Акмолинского края. В конце 1927 года его видели на Байкале, где он с необыкновенной скоростью проехал на велосипеде по горизонту. Он никогда не был наркомом, а продавал открытки парижского жанра. В.И.Пастухер скончался в 1931 году в г. Калуге от сапа.

Всё это ещё раз убеждает нас в том, что Андриян Колотушкин был непосредственным участником описываемых им в романе «Шестивесельный ял» событий. К сожалению, окончание романа оторвал и съел во время литературной дискуссии рапповец Авербах.

* * *

Непросто сложилась судьба талантливого автора в первые годы становления Советской власти. Но предоставим слово самому неистовому Андрияну: «...красные понесли большие потери белых. Кулаки нацепили красные банты и кидали вверх шапки, однако не забывали их ловить...».

Колотушкин переживает глубокий внутренний кризис.

Его друг Андреева осела в Константинополе, где её достоинство было растоптано в 1920 году. Сам Андриян чуть не умер, выпив царскую водку, в которой вёз контрабандой золотые швейцарские часы.

Отринуть колебания и полностью принять власть рабочих и крестьян страстному искателю правды Андрияну помог его друг заместитель члена партии красный боец Плац, оказавшийся впоследствии скрытым пилсудчиком и агентом голландской разведки и расстрелянный в конце 30-х годов. Именно здесь начинается самый плодотворный период творчества Колотушкина. Увидел свет психологический роман «Смерть генераломайора». Писатель задумывает грандиозное полотно «Годы и люди», в котором должны были быть выведены различные люди в различные годы. Сквозь порою горький сарказм его произведений всегда просвечивает улыбка человека, умеющего мыслить абстрактными категориями, доброго сказочника и любителя жареных животных. Искусный плагиатор, Колотушкин охотно крал фразы и целые пассажи не только у своих друзей Д.Андреева, И.Кузнецова, В.Володина, М.Лиференко и др., но даже и у своего папани куркуля Колотушкина.

Но тут Колотушкину дали 25 лет, а потом ещё 15 и 10. Если бы он и вправду всё это прожил, ему был бы 131 год. Однако, вопреки прогнозам, он умер в 1939 году, подавившись чайной ложкой. К счастью, он уже был к этому времени канонизирован – расстрелян из пушки.

Коловед Антипий Полушкин

Новые факты биографии

Выполняя социальный заказ отдела пропаганды, Андриян Колотушкин написал в конце 20-х годов ряд агитпьес для исполнения в сельских клубах и подвалах жилуправлений силами актива. В них правдиво и доходчиво раскрывается суть теории и практики и руководящая роль в их осуществлении. За пьесу «Аппарат безумного профессора» Колотушкин был награжден именной шашкой, именными часами-будильником, именными хромовыми сапогами, именной лошастью (безвременно павшей) и путевкой в Цхалтубо.

В 1926 году в селе Михайловском Андриян встречается няню Пушкина Арину Родионовну. Тут-то он и опустил в глубины народной лексики. В его творческую практику плотно вошли частушки и колядки (названные так в его честь).

Впервые Колотушкин предстает перед нами как поэт. Осенью 1932 года под обещание стать большим советским стихосложенцем он получает дачу в Переделкине. Однако уже здесь начинается закат короткого романа Поэта и Власти. Весной 1935 года, недопонятый и недопризнанный, вечный бунтарь был переведен из Переделкина в Матросскую Тишину, а позже отправлен на поселение в Снегири. Недолгий флирт Колотушкина с Властью кончился, когда его вызвали на правление и указали, что он не народ, чтобы былины писать. В ответ разъярённый Андриян порезал все сукно

в миллиардной.

Сосланный в Снегири, Колотушкин продолжает и там, однако, творить. И буквально через короткое время его снова высылают, теперь уже за неоплату коммунальных услуг. Так рождаются его знаменитые поэтические «Книги странствий», в порядке номеров. Именно здесь и наступил его творчеству полный, как говорится, расцвет.

Много легенд сложено о том, как выжил Колотушкин в голодные годы своих странствий. Клевещут иногда, что под видом борьбы с царизмом он якобы крал овец романовской породы, а в Полинезии и вовсе расставлял капканы на миссионеров... На самом деле прежде всего он получил ярлык на сбор партийных взносов от знакомого старовера в моршанских болотах, но на Тамбовщине был почти настигнут Тухачевским и срочно сменил род деятельности: получил фирман на культурно-просветительскую деятельность в Евразии, которую ему отдали в кормление. Но и это, похоже, неправда. Доподлинно известно лишь, что в эти годы он выменивал на продовольствие свои стихи и эссе об известных современниках. До сих пор в отдаленных скитах и избах-читальнях можно найти эти его произведения, совершенно не стиснутые убогими рамками исторической правды. Но чаще всего Коло пел в пионерлагерях свою песню «Взвейтесь кострами, синие ночи...» и получал за это не только печёную картошку, но порой и компот из сухофруктов.

Всё изменила его историческая встреча с тибетскими ла-

мами. Коло подарил им книгу своих эссе о видных советских партийных и хозяйственных деятелях. Тексты этой книги были признаны сакральными и каноническими и отправлены на гору Кайлас. Благодарные ламы на спинах и закорках перенесли его тайными тропами через Гиндукуш, Тибет и Гималаи. Так перед Колотушкиным открылись новые захватывающие творческие перспективы. Утверждают, правда, что ламы были якобы не тибетские, а андские, тем будто сподручнее было таскать Коло на спинах и закорках. Но это явная фальшивка: что они, андские ламы, дураки, что ли? И зачем андским ламам вообще тексты, и откуда им знать, где священная гора Кайлас? Я вот не знаю, а они знают.

Домой Колотушкин вернулся боем на круизном пароходе.

Следуя Генеральной линии, убеждённый партиец Колотушкин публикует в журналах «Чиж» и «Ёж» «Нашу историю для детей, в картинках и с моралью». Однако то ли он линии не понял, то ли появилась другая ещё генеральней, да только Колотушкину дали 25 лет... Дальнейшее Читателю известно.

Андрян Колотушкин немало наследил в истории русской литературы. Именно он возвёл в ранг высокого искусства то, что принято называть «неправдой истории». Некоторые клопы исторической науки всё возмущаются: что это он вместо «Оцеола, вождь сименолов» всё пишет «Оцелот, вождь осеменолов»? Не вам его судить! Как хочет, так и пишет! Андрян живёт в ином измерении, а вы, право, совсем помеша-

лись со своим Оцелотом, как будто он Монтезума или Мюнхгаузен какой.

Новатор Колотушкин смело рифмует бабу с рыбой.... В этом его сила! Наверное, первым он понял, наконец, что глагол лучше других рифмуется с глаголом, суффикс с суффиксом, приставка с приставкой. Внимательный читатель сразу заметит, что Андриян изрядно мутировал и постоянно забегал в самый перёд своего, что называется, времени. Эту его составляющую нынешнему поколению не понять, и она будет оценена только тогда, когда все, извините за выражение, помрут.

И ещё: Андрияна принято считать новым Пушкиным. В детстве его тоже дразнили эфиопом, и он тоже написал «Буря мглою небо кроет...». Это вам не Лермонтов! Тот так и не стал эфиоп. А мог бы!

Аркашка Рьяный, диссертант. Париж.

Литература беспредела

Литература Колотушкина – литература беспредела. Андриян пишет весело и страшно. Лирика Колотушкина не выдерживает никакой критики. Но и критика его (со стороны некоторых других) тоже её не выдерживает! Колотушкин первым увидал Читателя в гробу. Вот сидит он себе за своей пишущей ручкой и думает: а видал я тебя, Читатель, в гробу! Поток всемирной литературы несётся себе, а Колотушкину чего писать – по хрюнделю. Этим он выгодно отличается, к примеру, от других. Раз Достоевский оплошал, вывел Чернышевского Крокодилом в Пассаже, а тому этого только и надо. О, суэта! Так Чернышевский попал в учебник.

Помни, Читатель: даже у самых умных из тебя отец в крайнем случае Пропп, а мать Минц. Но не повод тебе это, чтобы судить вам Колотушкина, о шавки пера! Новатор Андриян так раздвинул границы русского языка, что их больше и не содвинешь. Но он и консерватор! С детства Андриян консервировал помидоры, огурцы и баклажаны. Вот и пойми поди Колотушкина! Его фигура столь противоречива, что от него вечно шарахались люди, крича: чур меня, чур!

Жора Правозащитник

Космизм Андрияна Колотушкина

Невоздержанный в своих потребностях, Колотушкин вечно взирает на Небо. А там что-то копошится. А что это такое там копошится, вопрошает себя Колотушкин? Дитё Галактик, он в который раз думает о Смысле Жизни. Не найдя же себе ответа, он будет вечно копошить букашек в их логове. Вот и историк он такой же. Нет народа, что не желал бы принести Колотушкина в жертву особо ужасным способом. Но обернитесь и посмотрите на себя, народы! Ужаснитесь своей историей, падите главой в очаг и рыдайте там. А спроси кто эти народы: ели ли вы бактерий? так половина народов сказали бы: нет! Вот и верь после этого народам.

Тут-то Андриян и пошёл к учёному для детей астроному Перельману и спрашивает его: ну что, учёный для детей астроном Перельман, а правда ли вся эта туфта про Космос? Откуда я знаю, отвечает учёный для детей астроном Перельман, что заказали, то и пишу. И у Колотушкина съехала крыша. Дело в том, что Андриян весь состоял из очень нервных клеток, вот и разнервничались эти клетки!

Вообще космические связи Колотушкина зашкаливают. Однажды смерть Земле готовил некто Кыштымский карлик Алёшенька, инопланетный такой вторженец, любимец местных ведуний и целительниц. А Андриян только что бросил тогда работать кузнецом у одной французской белошвейки,

ковать то есть ей кринолины, и устроился вязать собак вязчиком пятого разряда в местном охотхозяйстве. И уж как там случайно попался ему во время вязки Алёшенька, как тот вообще в это дело, извините за выражение, ввязался, неизвестно, но только на инопланетные вторжения Кыштымский карлик больше не годился никак, пришлось бросить его обратно в Подкаменную Тунгуску. Вот такая печальная история!

Да ладно, успокойся, Читатель, чего на свете не бывает! Раз упал Колотушкин в угольную шахту Донбасса. А в угольной шахте сами знаете как! И когда Колотушкина извлекли, его представления о мире уже значительно расширились. Так он познакомился с Ганнушкиным. «Ганнушкина книга» – звёздный час литератора. Здесь он достиг апогея. А вот не достигни он здесь апогея, мы бы ещё и не то прочли.

Атанас Второй

В пылу борьбы

Читатель наверняка видел, как сидят растопырясь и полощутся на ветру всякие гагары и прочие бакланы, сушат свои подмышки и яйцеклады. Но зачем на них клеветать, будто им, гагарам, якобы недоступно? Ещё как доступно, раз уж в октябре 17-го добрались-таки всякие бакланы до тела жирного в утёсах. Но это я так, к слову. Сам же Колотушкин тоже немалого добился в пылу борьбы. Он не раз участвовал во многих исторических событиях – время тогда такое было! Как-то тоже в октябре 1917-го он на спор залез ночью на борт крейсера «Аврора» и выстрелил там из пушки. Что потом было, многие и до сих пор ещё помнят.

Идол Колотушкина В.И. Ленин был ярым бойцом везде и всюду, в том числе и на ниве науки, чем и приводил Андриана в неопикуемый восторг. В пылу борьбы Ленин не только путал махистов с мазохистами и призывал брать всех в заложники и отрезать им половые органы осокой, но и походя формулировал глубочайшие мысли. Возбужденный этой глубиной, Колотушкин не только немедленно развивал постулаты вождя, но и на всякий случай бежал бить соседей.

Раз Ильич объявил, что электрон так же неисчерпаем, как и атом. Идея так поразила Коло, что он набрал на вокзале латышских стрелков и захватил с ними издательство медицинского журнала «Вестник Сколиоза». Сколиоза этого на-

шли потом на островах Эгейского моря со стетоскопом, вбитым в горло.

На мощностях издательства Коло издал брошюру, где объявил не менее неисчерпаемыми нейтрон и позитрон. Готовилась уже книга о неисчерпаемости также картона, старпома, агропрома и агитпропа. Но тут прокатилась череда трагических событий.

На сей раз на заводе Михельсона голову подняли недобитые позитивисты. Шофёр Ленина Гиль сразу указал, что то ли в самого Ильича, то ли в самого Колотушкина стреляла некто эсерка Каплан. Но называл он её почему-то эсесесеркой Каплун, так что его самого отправили на острова Эгейского моря. Каплун, кстати, тут же совершенно пропала, так что её потом даже на этих островах не нашли. Следовательно Петерс выяснил было, что стрелял на самом деле Яков Михайлович Свердлов, и не по революционерам, а в Роллс-Ройс Ленина, якобы пострелять захотелось. Но возмущённые рабочие по приказу Якова Блюмкина убили самого Петерса и бросили его в какой-то канал. Сам Яков Блюмкин немедленно убил заодно ещё и германского посла Мирбаха и уехал в научную экспедицию через Гималаи на острова Эгейского моря. В результате никто ничего не понял, и дело, как принято, замяли.

Антидюринг

Из ненаписанного (огрызки)

Как известно, Андре Коло гораздо больше в своей жизни не написал, чем написал. Это не имеет отношения к известному тезису Нобелевского комитета, что лучше бы он вообще не писал. В огрызках дошёл до нас не только «Шестивесельный ял», есть и другие огрызки, сохранившиеся в воспоминаниях отдельных даровитых современников. Из дневников Немировича, более известного под псевдонимом Данченко:

«Встретил Колотушкина. Носится с идеей древнеримской трагедии «ТАЗЕПАМ», но пишет её зачем-то гекзаметром. Действующие лица: ТАЗЕПАМ, сын ВАЛИДОЛА, варвар-иерой, шарашит из катапульты; ПЛАЦЕНТА, развратная римлянка; ГАНГЛИЯ, неразвратная римлянка; ГАННИБАЛ, туарег; ЮЛИЙ Ф. ЦЕЗАРЬ, цезарь; КАЛИГУЛА, лошадь.» (Андре Коло сжёг рукопись «ТАЗЕПАМА» после того, как она попала в руки Муссолини и послужила поводом для вторжения в Абиссинию – прим. ред.)

И уж совсем отказался Коло даже задумывать пьесу «СТЕНЬКА РАЗИН» в стиле философских диалогов Платона (действующие лица: СТЕНЬКА, сидит с княжной; АСТРАХАНСКИЙ ВОЕВОДА, сидит на колу).

Ранний успех Коло-драматурга связан с творчеством режиссёра Мохнушко. Из воспоминаний шляхтича-авангарди-

ста: «Мне так и не удалось поставить пьесу Андре Коло «ЗА ГРАНЬЮ». Дело там происходит в Ямало-Ненецком округе. Старуха Фёкла со товарищи на партсобрании. На стене висит помповое ружьё. ПОМПОВОЕ РУЖЬЁ (стреляет). СТАРУХА ФЁКЛА: Пиндык! (товарища уносят). ПОМПОВОЕ РУЖЬЁ (висит на стене, стреляет). СТАРУХА ФЁКЛА: Пиндык! (ещё одного товарища уносят)... Постановка тогда сорвалась из-за полной невозможности найти в Ямало-Ненецком округе помповое ружьё...

...Зато прогремела моя постановка его пьесы «ВСТРЕЧИ В ПОЛЬШЕ». Вот её суть.

Действующие лица:

МАРКИЗ САН-КЮЛОТ, якобы француз.

АЛИ ГОФРЕН, арабский турок.

СКОТ (пасётся).

ДЕВСТВЕННИЦА

ЛИСТВЕННИЦА

ЧЕРНИЛЬНИЦА

ПОСОЛЬСКИЕ АТТАШИ. Болотистая местность в Польше. Пасётся Скот. Убедившись, что Девственница, Лиственница и Чернильница одно и то же лицо, Сан-Кюлот только якобы француз, а Али Гофрен и вовсе мечеть в Арабской Турции, Скот тихо линяет. Пьеса с успехом шла в болотистых районах Польши».

Любопытны воспоминания А.В.Луначарского: «...Встретил Андре Коло у Оси Брика. Коло весь вечер молчал, по-

том произнёс: «Гость упал, вилка придёт». Весь в творческом процессе. Пишет роман «Юность микроба» (не дошедший до нас даже в огрызках – прим. ред.) Обозвал меня профессором кислых щей...»

Ключом к пониманию того, почему Коло всё же гораздо больше не написал, чем написал, для нас, колоседов, всегда будут его слова, сказанные им следователю Лубянки. Несгибаемый ленинец Коло бросил тогда (запротоколировано): «Всегда помни, сучара, что своей жизнедеятельностью ты приближаешь тепловую смерть Вселенной».

Своему же собаке дизелю Тугрику, впрочем, он всегда внушал совсем другое (не запротоколировано): «Помни, собака, что счастье – неизбежно!»

Мыкола Сатрапов, кандидат.

СТИХИ

Первая тетрадь

В поэтах

Кричат: пиши высоким штилем!
Учись гекзаметры слагать!
Кому нужны стихи такие,
Что глаз корёжит их читать?
Я был бы тут же Ломоносов
Иль, на худой конец, Езоп,
Когда б не рос среди барбосов
И кровососов, мать их так.
Я так же часть родной культуры,
Как с килькой кружка политуры.
А хочешь Пушкина читать —
Иди в читальню, вашу мать.
Ха! Друг ваш Пушкин эфиопом
Пугал всех дам чернявой попой.
А дамы все: хи-хи да хи,
И ну читать его стихи!
Ваш Грибоедов за обедом
Вел с рюмкой умные беседы,

Потом вдруг в Персию полез,
И Грибоедова мы без.
А ваш Михайла Ломоносов
Все той же был страны барбосом.
А кто такой ваш был Езоп —
Вам не скажу, не знали чтоб.
А я чем хуже, чем я хуже?
Скажи-ка мне, читатель-друзе!
Ты думал, мне не по плечу?
Сейчас такое наверчу!

Переделкино, 1932.

Я время пою

Я время пою, и стихами и без,
Когда в апреле
семнадцатого года
Ильич
без лестницы на броневик залез
И такую
лампочку
показал народам!

Переделкино, 1932

Забавы древних

Где Афины и Микены,
Средь маслин и ишаков,
Фигов, тогов и богов
Пифаген жил офигенный,
Автор собственных штанов.
А в вина огромной бочке,
Закатив ее во двор,
Коротал хмельные ночки
Пьянь-философ Диогор.
В том же греческом селеньи
Прямо в тоге на поленьях
Архимед их похощенья
С восхищеньем наблюдал.
Во мгновенья вдохновений
Он творил изобретений,
И, в порядке развлечений,
Солнцем жарких отражений
Моря корабли сжигал.
И считал, схватив за ворот,
Погрузив его до дна,
Сколько туша Диогора
Может вытеснить вина.

Песнь травы

Не просеян, не пропахан,
Бороной недолбан был,
Непечата луга запах
Мне ноздрюки щекотил.
Лишь некормленный японец
Жаждет гречневой лапши.
Новой жизни комсомолец
Ищет в травах анаши.
Друг мой пламенный по веку!
Среди трав не колготись,
Как пристойно человеку
Средь чуланов изб плодись.
В торф сади пырея семя,
Над медведкой не глуми
И червей лихое племя
Пшённным зернием корми,
Без нужды не кувyrкайся
По заросшей борозде
И с жуком во вред не лайся
Окружающей среде,
Чтоб была нам счастья доля,
Чтоб звенел букашек звон,
Чтоб травы большое поле
Пахло в нас со всех сторон.

Переделкино, 1932

Не повезло

Адмирал да Гама Васька
Поднимают паруса.
С ними Кок да Квартирмейстер,
Да испанка Инфлюэнца,
Да другие матроса.
Подняли Бизань да Стаксель,
Да задумали поплыть.
Вдруг заметил славный Васька:
Руль забыли привинтить!
Заорал тут Кок да Боцман,
Поднялся девятый вал...
Не случись бы эта глупость,
Васька б в Индию попал.

Переделкино, 1932

Нострадамус

Нострадамус-безумец в яду химикатов
Слышит бедствий грядущих глухие раскаты,
Сколопендр мозжечок, змей вонючий помёт
И мышинные крылья жуёт,

Откровенья над тигелем ртути толкует,
На бледячих конях зверя знаки рисует
И, в парах мышьяка и смурной ворожбы,
Предрекает нам ужас судьбы.
А очнувшись, в шлафроке немецком на теле
Со свечёю бредет до пуховой постели
И, как бюргер почтенный, в ночном колпаке
На полночном мечтает горшке.
Утром зад экономки довольной щекочет,
Над вчерашним уловом пророчеств хохочет
И купить сулемы и мышиный помёт
К бакалейщику мальчика шлёт.

Переделкино, 1932

На страже Родины

Карацюпа, Карацюпа,
Не моргай бельмами глупо.
Вдоль границ по восемь в ряд
Нарушители стоят.

Переделкино, 1932

Торжество мудрости

По-над пропастью над горной,
Где шумит Кура-река,
Самолёт одномоторный
Пляшет в небе гопака.
То крылом воды касаясь,
То взмывая в небеса,
Издеваясь, кувыркаясь,
Как зудячая оса.
Шоферит машиной этой
Досаафовский Петро,
Весь поддатый, разогретый
Правит вольно и шустро.
Лишь вчера его родитель
Старым валенком порол,
А теперь он истребитель,
Сил небесных победитель
И вообще почти орёл.
Славься, славься, истребитель!
В неба грозной высоте
Краснозвёздный гордый китель
Ты несёшь навстречь звезде,
Чтоб Луны светилося гало,
Чтоб гусей увял косяк,
Чтоб ничто бы не мычало,
Чтоб не вякал гадский враг.
Вдруг из папиной из сакли
Вышел дедушка Сандро,
На усах кинза, как пакля,
А в руке вина ведро,

Шапкой вытер лоб свой потный
И к ружью щекой приник...
Поделом тебе, залётный,
Не дыми, как мой шашлык.
Вновь кругом лишь горы белы,
Да воды бегущей прыть...
Не людское это дело
Небо носом бороздить!

Переделкино, 1932

Тимирязев и грибы

В години мрачные печали,
Среди напастией судьбы
Топча родных просторов дали,
Бредут народы по грибы.
Сам Ломоносов просвещенный
Любил закусывать грибом.
А был пока непросвещенный,
Так тож закусывал грибом.
Грибы! Как много в этом слове!
Ну как же. Был уж наготове
Грибной хулитель и нахал
Небезызвестный Тимирязев.
Явив их нам подобьем грязи,
Сей принаучный коновал
Грибы вдруг плесенью назвал.

Вотще развязный академик
Унизил гордые грибы.
В бреду открытий и полемик
Не избежишь своей судьбы.
Тогда как плесень благородный
Леса российские красит,
Его хулитель принародный
В саду как памятник стоит.
И нет покоя истукану.
Бродячий пёс у ног его,
Его тревожит утром рано
Прохожий смерд битьём стакана,
И голубь серит на него.

Переделкино, 1932

Баллада о Николке и Миколке

Через речку, через лес,
Через степь равниной голой
Со штыком наперевес
Шли Николка и Микола.
Где героев путь пролёт,
Зацветает василёк,
Рожь-пшеница колосится,
Конь стреноженный резвится,
Власть народная родится.
Перед ними ероплан

Вдруг сморчит угарным газом.
Позалезли в ероплан.
Крутанули ручки разом,
Небом весело летят,
Песни вольные галдят.
Долго ль, коротко ль летели,
Только на краю Земли
Вниз случайно поглядели —
Там сплошные индуи.
Толстопузы буржуины
Во дворцах среди ковров,
Кобр, мангустов и слонов
И несчитанных коров,
А простые индуины
Мангом с дерева посятся,
Посередь джунглёв плодятся,
На коров взглянуть боятся.
Не повидержал Николка,
Достаёт свой пулемёт
И с индуйской со двуколки,
Им такую речь ведёт:
Будьте, хлопчики, здоровы!
Щас буржуев победим
И вам барские коровы
В пропитание дадим!
Только все вдруг разбежались.
Лишь баньян в цвету стоит,
Да буржуйский подкулачник
На гвоздях в пыли лежит.

Налетели белы банды
На махновских на слонах,
И навек лежать остались
Верны други в бананах.
Лишь брамин бредёт по воду,
Где, от Родины вдали,
За индуйскую свободу
Два героя полегли.

Переделкино, 1932

Дон Кихот

Сидр пьёт, поет романсы,
Веселится весь народ.
Там Санчо с большою пансой
Губернатором живет,
Публикует всем декреты
И указы издает,
И лизать свои штиблеты
Всякой челяди дает,
И того не понимает,
Что при шутовом дворе
Идиота роль играет
В идиотском кабаре.
Кум Сервантес с огорченья
Головы кочном трясёт
И кошмарным наважденьем

Царство панчино зовёт.
Что ты, кум, так огорчился,
Утешает Дон Кихот,
Полным Санчею родился,
Полным Панчею помрёт!
Мы с тобою не умнее:
Я вот мельницу подбил
И гадюку Дульцинею
Из дали побед любил.
Обойдись без укоризны,
Санчу-Пончу возлюби.
В глупой пьесе нашей жизни
Все мы чучела судьбы.

Переделкино, 1932

Испытание

Запуржило, закружило,
Засвистело, замело,
Всё вокруг как зверь завыло,
Камнем на сердце легло.
Не избежать мне могилы,
Не найти пути домой.
Растворился облик милой
За белесой пеленой.
Звёзды в небе не мерцают,
Не видать путей-дорог,

А под сердце заползает
Ледящий холодок.
Уж подняться нету силы,
Меркнет свет в моих очах...
Уф, насилие отпустило.
Так плесни же, друг мой милый,
Свежу кружку первача.

Переделкино, 1933, Новый год

Песнь о богатыре Семёне Будённовиче

Как во городе было во Житомире.
Там за городом крутояр стоит,
А на том яру конь стоймя стоит,
А на том коне богатырь сидит,
Богатырь Семён свет Будённович.
Сидит он тридцать лет и три года.
Его конь по грудь в сыру землю врос,
Его меч-кладенец лишаём зарос,
На заду его мозоль с оловянный таз.
Бережёт богатырь землю Русскую
От злых от собак от татаровей,
От Соловьёвых-Ивановых от разбойников.
Прибегал к нему на высокий яр
Удалой купец Ворошилович
Из Луганска из города из славного,
Разевал перед ним уста медовые.

Ты восстань, богатырь Семён Будённович!
Мы пойдём воевать волю вольную,
Печенегов давить, да половцев,
Мы возьмём с тобой стольный Киев-град.
На престоле сидит там Петлюра злой,
Где рукой махнёт, лютый стон стоит,
А во лбу его карбованец горит.
Осерчал Семён свет Будённович.
Не усею костями землю Русскую!
Доставал из кармана свой чугунный кулак,
Да как врежет в лоб Ворошиловичу!
Где купец стоял, там ковыль растёт.
Где он саблей махал, там река текёт.
Приходил к нему татарский князь,
Кагановище поганое, злобное
По прозванью Лазарь свет Моисеевич.
Ой ты гой, говорит, еси, добрый молодец!
На Москве у нас сидит лютый Калин-царь,
За него пойдём, пустим кровушки.
Отвечал ему Семён Будённович:
Сам ты гой еси необрезанный!
Как достану кулак свой чугунистый,
Так и ляжешь здесь, кагановище.
Обосрался Лазарь Моисеевич,
Метал катышки по три пуда.
Он убёг в Москву златоглавую,
Зарылся в метро своего имени.
Поезда там пустил по расписанию,
Все билеты проверил дыроколицем.

А оттуда уж носа не выказывал,
Опасался гнева Будённова.
А богатырь Семён свет Будённович
По сю пору стоит на страже Руси.
Его конь давно в ночное ушёл,
Его таз оловянный Соловьёв продал,
Его меч-кладенец Иванов упёр,
Но стоит Будённыч, не шелохнется,
Стережёт от врагов землю Русскую.

Переделкино, 1932-1933

Рыбья справедливость

Не могу удить я рыбу.
Любит вод она кровать,
Атмосферы тяжкой глыбы
Вдох не ведает вдыхать.
Вдруг какой-то фраер жалкий,
В шапке вязаной урод,
С побережья грязной палкой
В нежный рот ее суёт.
И тогда я взял дубину
И ему по шапке дал,
Чтоб он рыбью половину
Жизни досыта познал.
Дал пинка ему под пендель
И на дно послал поспать,

Чтобы знал и этот крендель
Незнакомым подышать.

Переделкино, 1933

Дева

Она игрушками играла,
Красой невинности сияла
И источала свет небес
На всех, кто на нее залез.

Переделкино, 1933

Классовый конфликт

По горбатой по дороге
Пионерский шел отряд,
Голобритый, голоногий,
По четыре плечи в ряд.
Рубит шаг молодцеватый
С красной тряпкой на груди
Их простреленный вожатый
С громкой дудкой впереди.
А в укромном палисаде,
Где картошка и салат,

Под портвейн четыре дяди
Преферанс сдают сидят,
Пионеров поступь слышат,
В снос два козыря несут...
И в наколках дядя Миша
Вышел им навстречу тут
И на красных оборванцев
Повышает голос свой:
Из-за вас, дурных поганцев,
Я остался без одной!
Что ты, дядя, там бормочешь?
Отвечает пацаньё.
Камень в голову не хочешь?
Если нет, давай уё.
На пороге новой эры
Свой костыль не выставляй,
А иначе пионеры
Всем дадут путевку в рай.
Устыдился дядя Миша,
У него слетела крыша

(Миша-крыша! Чушь какая-то. Буду проще.
Кыш Миш! – прим. авт.)

Переделкино, 1933

Тоска

По безбрежной, немеряной неба реке
Грозные плывут облака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.